

ЛОГИКО-КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ ПОДХОД К ПРИЕМУ ЗАМЕНЫ КОМПОНЕНТОВ ГЛАГОЛЬНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ (НА МАТЕРИАЛЕ ГАЗЕТНОГО ДИСКУРСА ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА)

Абдуллина Лилия Рафаиловна

В данной статье рассматривается вопрос взаимодействия языка и мышления, в рамках которого особое место отводится логическим формам и законам. На примере приема замены компонентов ГФЕ татарского языка выявляется механизм осуществления многоаспектной корреляции языковой формы и элементов сознания, служащий основой коммуникативно-прагматической стратегии информанта в дискурсе.

Ключевые слова: замена компонентов, логика, ментальность, концепт, дискурс.

В последние десятилетия активно развиваются идеи когнитивной лингвистики, при этом вне поля зрения остаются достижения формальной логики, которая описывала лишь знаковую форму мышления, не учитывая при этом зависимость строения и правил преобразования этой формы от содержания, не отражая различий между мышлением и его продуктами, тогда как мышление имеет свое качественно специфическое содержание и свои специфические закономерности протекания. Любые мыслительные процессы так или иначе заключаются в различного рода логико-семантические формы, интегрирующие в себе как языковые блоки, так и зрительные образы, картинки, эмоции. В сознании языковой личности отражаются объективные связи предметов и явлений культуры в виде определенным образом структурированного сознания. Языковые и логические формы выступают с одной стороны, по отношению друг к другу как формы различной степени абстракции одного и того же явления, с другой стороны, по отношению к мышлению поочередно как посредствующее, среднее звено: языковые формы

«располагаются» между логическими формами и мышлением, а логические между языковыми формами и мышлением [1: 98].

В сущности, язык – это синкретический сплав языковых и логических форм. Соответственно в синкретическом единстве лингвистики и логики необходимо выстраивать и понятийную систему, описывающую процесс функционирования языка. Поэтому необходимость логического анализа структуры языка, позволяющего обнаружить скрытые семантические особенности языковых конструкций, продиктована сущностью самого объекта и является неотъемлемым условием получения объективных знаний о семантической системе языка.

В связи с вышесказанным представляется необходимым обращение к логическому анализу дискурса, выявляющему логические системы, семантики которых включают определенные характеристики субъекта, такие как его знания, установки, принимаемый им концептуальный аппарат, которые могут быть осмыслены в контексте дискурсивных форм организации этнокультурного сознания. Как справедливо полагает Н.Ф. Алефиренко, «это объясняется тем, что дискурсивное образование вторично интерпретируя и моделируя тот или иной фрагмент картины мира, порождает знаки вторичной и косвенно-производной номинации, поскольку соотносится с ним не отдельными своими частями, а как единое целое» [2: 178]. Примером сказанному служат глагольные фразеологические единицы (ГФЕ).

С позиций логического анализа дискурса ГФЕ выступает в тексте в роли логического предиката (логического сказуемого, которое в отличие от грамматического сказуемого, то есть сказуемого в собственном смысле, выражается всем составом (группой) сказуемого). В дискурсе ГФЕ может подвергаться различного рода трансформациям, семантическим или структурно-семантическим в зависимости от интенций информанта. Предметом настоящего исследования послужили специфические черты реализации одного из наиболее часто встречающихся в газетном дискурсе приемов структурно-семантического преобразования, а именно замены компонентов. Ранее данный

прием рассматривался исключительно в рамках стилистики. Однако в настоящей статье предпринята попытка отобразить необходимость многостороннего подхода к рассматриваемому явлению, включающего основы грамматики, стилистики, логической и коммуникативно-прагматической семантики. Следует также отметить, что при рассмотрении замены компонентов ГФЕ с позиций логики необходимо учитывать тот факт, что в глагольных фразеологизмах глагол выступает в качестве стержневого слова, являясь грамматическим центром всего словосочетания и сохраняя многие из форм словоизменения, присущие глаголу. «Глагольные фразеологические единицы всегда выступают как определенное структурное целое составного характера, представляя собой сочетания слов различных морфологических свойств, находящихся между собой в разных синтаксических отношениях. Слова, составляющие второй компонент фразеологизма, в грамматическом отношении подчинены стержневому слову-глаголу и находятся по отношению к нему в синтаксической связи (управления или примыкания)» [3: 25].

Общеизвестно, что прием субституции заключается в устранении из исходной формы фразеологизма одного или нескольких компонентов, место которых занимают другой или другие компоненты, способные более адекватно выполнять коммуникативную задачу текста. Внимание читателя при этом фиксируется на форме. Появляется неожиданный, малопредсказуемый элемент, который не только привлекает внимание и вызывает интерес, но и создает сопротивление восприятию, преодоление которого требует усилий, сознательной «работы» со стороны читателя, способствует запоминанию и, возможно, в итоге, вызовет желаемую реакцию.

Замена может быть по существу безразлична, если заменяющее слово относится к тому же стилистическому разряду, что и заменяемое. Чаше подобная замена имеет определенное смысловое или стилистическое задание: изменить стилистическую окраску фразеологизма или придать ему большую значимость, большую экспрессивность. Как правило, данный прием способствует увеличению семантической гибкости ГФЕ, усиливает их

образную выразительность, способствует «растворению» фразеологизма в контексте. Раздельнооформленность ФЕ предопределяет потенциальные замены ее компонентов. Однако такие свойства фразеологизмов, как устойчивость и семантическая сложность не позволяют этой возможности реализоваться в полной мере, так как во многих случаях это привело бы к потере фразеологичности. Изменения могут затрагивать как сигнификативный аспект значения идиомы, так и ее стилистическую окраску. Контекстуальная замена компонента фразеологизма всегда происходит в определенных коммуникативных целях, диктуемых коммуникативным заданием газетного дискурса.

Наиболее частотным является замена одного из компонентов на синоним. Синонимические замены возникают вследствие необходимости уточнить или усилить соотнесенность фразеологизма или его компонента с контекстом. Происходящее при этом нарушение устойчивости приводит к тому, что окказиональный вариант может повторяться в речевом употреблении, а затем и закрепляться в нем.

«Бу хал бөтен дөньяны кузгатты».

Шәһри Казан, 08.03.06.

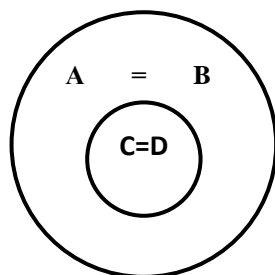
Исходная форма: *дөнья кубу – шау-шу кузгату, тавыш күтәрү* “перевернуть мир”.

Взаимозаменяемые компоненты *кубу – сөйл. кузгулу, күтәрелү, башлану, кинәт яисә берьюлы хәрәкәткә килү* “начинаться, подниматься, разразиться; возникать” и *кузгату – тикторыш халеннән чыгару, хәрәкәткә китерү; күтәрү, берәр эшхәрәкәт башлау* “перен. поднимать (вопрос); перен. возбуждать начинать” в татарском языке являются глаголами одного синонимического ряда и поэтому особого стилистического эффекта они не производят.

С позиций логического анализа дискурса взаимозаменяемые слова *кубу* и *кузгату* являются равнозначными словами-синонимами, выражающими понятия с одинаковым объемом и содержанием. Соответственно замена в

любом осмысленном высказывании слов-синонимов друг с другом не влияет на смысл ни ФЕ, ни самого высказывания. При этом оба глагола движения ассоциируются в сознании читателя с концептом «Изменение». Таким образом, отношения между понятиями *кубу* (A), *кузгату* (B), *дөнья кубу* (C), *дөнья кузгату* (D) могут быть изображены следующей схемой.

Схема 1. Замена компонента на синоним.

Данное расположение кругов показывает, что понятия *дөнья кубу* и *дөнья кузгату* находятся в отношениях равнозначности (*дөнья кубу* – это *дөнья кузгату*, а *дөнья кузгату* – это *дөнья кубу*). Однако данные понятия, выраженные ГФЕ, являются видовыми по отношению к понятиям с большим объемом, то есть родовым *кубу* и *кузгату*, вступая с ними в отношения подчинения, так как последние способны, в свою очередь, образовывать другие видовые понятия типа *тавыш кубу*, *тел кузгату*.

Замена компонента ФЕ может быть ориентирована на усиление или ослабление интенсивности действия, обозначаемого фразеологизмом. Обратимся к следующему примеру.

«Тик депутатлар арасында үзе утырган ботакны қисарга теләүче табылмады».

Ватаным Татарстан, 15.04.06.

Исходная форма: *үзе утырган ботакка балта чабу – тормышта үзенең таянычы булган нәрсәне жәимерү, киләчәкне күреп эш итмәү* “рубить сук, на котором сидишь”.

*Кисү – нәрсәнең дә булса бер өлешен аерып кыскарту, киметү, азайту; бетерү, юкка чыгару “отрезать, отрубать; препятствовать” и балта чабу – нинди дә булса берәр эшне җимерү, юкка чыгару “рубить топором, уничтожать” – слова одной лексико-семантической группы, ассоциируемые в ментальной сфере реципиента с концептом «Конец». При этом следует заметить, что преобразованный оборот в сравнении с исходной ГФЕ *үзе утырган ботакны кисү* явно проигрывает в экспрессивности, менее ярко характеризует поведение депутатов. Тем не менее логические отношения между понятиями *кисү (А)*, *балта чабу (В)*, *үзе утырган ботакка балта чабу (С)*, *үзе утырган ботакны кисү (D)* могут быть представлены, как и в предыдущем примере, схемой 1. ГФЕ являются видовыми по отношению к их ядерным компонентам, представленным глагольными единицами *кисү (А)*, *балта чабу (В)*, способными образовывать и другие ГФЕ типа *тамырына балта чабу* “подрубить под корень”, *нарә-нарә кисү* “разрывать на кусочки”.*

В дискурсе возможны также замены компонентов на речевой антоним. Стилистический эффект антонимической модификации компонента основан на том, что из стабильного состава ГФЕ изымается один из компонентов и заменяется антонимичным словом, благодаря чему ГФЕ придается противоположный смысл.

«Ну-у зур сабак булды бу колхоз малына, кеше күрми – белми дип дәүләтнекенә нәфесеңне салмаска!»

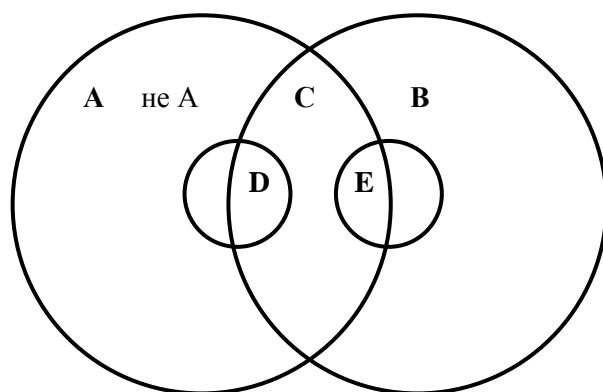
Ватаным Татарстан, 05.08.06.

Исходная форма: *нәфесе төшү* – *кызыгу* “иметь (выразить) желание”.

Ядерный компонент ГФЕ *төшү* заменяется понятием *салмау*, вступающим с ним в отношения противоположности, поскольку оба понятия обозначают взаимоисключающие признаки. Положительное понятие *салу* и отрицательное понятие *салмау* являются несовместимыми понятиями, находящимися в отношении противоречия или контрадикторности, являясь видами единого вербализуемого в дискурсе фрейма. При этом одно понятие указывает на некоторые признаки, а другое эти признаки отрицает. Объемы

двух понятий составляют весь объем рода, видами которого они являются: *салу* / *салмау*. В свою очередь глаголы *салу* “положить; ставить; издавать; вызывать; подвергать” (А) и *төшү* “спускаться; выпадать; попадать; выступать” (В) являются совместимыми понятиями, у которых объемы частично совпадают, также как и содержание данных понятий. С позиций логики происходит умножение понятий *салу* и *төшү*, в результате чего образуется новое понятие с объемом, охватывающим собой только совпадающие элементы объемов исходных понятий. Соответственно понятия А и В вступают в отношения пересечения, поскольку на ментальном уровне в совместившейся части кругов в сочетании с лексической единицей *нәфес* “страстное желание” мыслится *курсәтергә* (С). Подобное логическое произведение обуславливает тождество таких видовых понятий, как *нәфесе төшү* (Е) и *нәфес салу* (D). Обратимся к схеме 2.

Схема 2. Замена компонента на антоним.

Понятие А и В находятся в отношениях пересечения, поскольку объем одного из них частично входит в объем другого. Понятие С представляет мыслительный образ стереотипной ситуации, то есть фрейм *курсәтергә*, вербализуемый в дискурсе номинативными структурами *салу* (А), *салмау* (не А), *төшү* (В). Фреймовая структура знаний, организованная вокруг данного наивного понятия, может быть ассоциирована с новым концептом, вербализуемым уже средствами вторичного номинирования, в частности, *нәфес салмау* (D) и *нәфесе төшү* (Е), которые находятся в отношениях противоположности и изображены в качестве двух несовпадающих кругов

как бы на разных полюсах, являясь, с одной стороны, видами одного рода, выраженного понятием *курсәтергә* (С), и с другой стороны, видами понятий *салу – салмау* (А не А) и *төшү* (В), которые могут быть представлены в дискурсе и другими видовыми понятиями, например, *суга салу, күз төшү*.

Наиболее яркое впечатление создаётся в результате замены компонента словом, появление которого является неожиданным, особенно если оно не связано с компонентом фразеологизма никакими семантическими отношениями.

«Менә шулай, Ельциннан калган бандит капитализмының жсимешләре өлгерде».

Ватаным Татарстан, 14.04.06.

Исходная форма: *хезмәт жсимеше өлгерү – эшнең нәтижәгә ирешү* “созрел плод труда”.

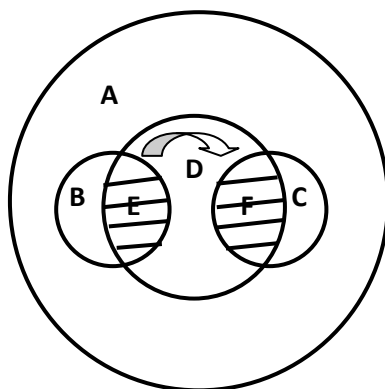
Известный татарский языковед Ф.С. Сафиуллина в своем татарско-русском фразеологическом словаре выделяет субстантивную ФЕ *хезмәт жсимеше – плод труда* [4:285], имеющую, как правило, позитивную окраску. Однако в данной статье автор, говоря о построенном Б.Н. Ельциным бандитском капитализме и его пагубных последствиях, прибегает к замене именного компонента *хезмәт – кешенең жәмгыять файдасына рухый һәм матди байлыклар тудыруга юнәлтелгән акыл һәм физик эшчәнлеге, башкарган эше* “труд” на семантически не связанное с ним существительное *капитализм – житештерүнең югары дәрәжәсе, гражданлык жәмгыяте, табышны хосусый үзләштерү белән характерланатторган ижтимиыгый строй* “капитализм”, сопровождаемое прилагательным *бандит* “бандитский” и придающее, тем самым, трансформированной ГФЕ пейоративную окраску.

С логико-семантической точки зрения понятия *капитализм* (В) и *хезмәт* (С) представляют собой два непересекающихся понятия, принадлежащих общему родовому признаку и вступающие в отношения субординации. В данном примере соподчиненные понятия В и С – это виды одного рода А –

концепта «Экономика». К данному концепту можно также отнести и фрейм *эшнәң нәтижәгә ирешү*, вербализуемый в тексте посредством ГФЕ, вступающих с понятиями В и С в отношения перекрещивания, благодаря чему в дискурсе возможна замена компонентов, представленных понятиями В и С и преобразующих понятия *хезмәт җимеше өлгерү* (Е) и *капитализм җимеше өлгерү* (F) в контекстуальные синонимы. В совместившейся части кругов мыслятся те значения лексических единиц *капитализм* (В) и *хезмәт* (С), которые, присоединяясь к словосочетанию *нәрсәнеңдер җимеше өлгерү*, образуют фрейм *эшнәң нәтижәгә ирешү*. Становится очевидным, что структурно-семантическое преобразование ГФЕ является яркой демонстрацией перехода языковой единицы из статики в динамику, то есть перехода фрейма в скрипт в рамках заданного дискурса.

Схема 3. Замена компонента на контекстуальный синоним.

Из схемы становится очевидным, что понятие и концепт являются двумя ипостасями одной и той же ментальной сущности.

Таким образом, прием замены компонентов возможен благодаря одновременному появлению в языковом сознании говорящих двух смысловых планов – речевого и языкового. При этом появляется дополнительная стилистическая информация как смысловая, так и эмоциональная. Анализ ГФЕ, преобразованных с помощью компонентных замен, свидетельствует о том, что их измененная семантика и стилистическая характеристика всегда соотносятся с соответствующими характеристиками нормативного оборота, что облегчает процесс декодирования ГФЕ. «В противном случае читатель не воспринял бы

словесную игру» [5: 159]. Компонент-заменитель и вытесняемое слово исходного состава ГФЕ могут находиться в различных семантических отношениях. Замена может осуществляться как при наличии в семантической структуре корреспондирующих элементов соотносительных признаков (синонимическая замена), понятных вне всякого контекста, так и при отсутствии каких-либо общих доречевых семантических черт (замена компонента на антоним, замена компонента контекстуальным синонимом). Подобный подход к приему замены компонентов не раскрывает сущности механизма его реализации в дискурсе, в связи с чем возникает необходимость оперирования логическими категориями, понятийной картиной мира, позволяющих познавать когнитивные структуры человеческого сознания. Уместным в данном контексте будет мысль Н.Ф. Алефиренко о том, что «слова взаимоассоциируются лишь при условии, что соответствующие им понятия входят в закодированные в памяти пропозиции – целостные мыслительные субъектно-предикатные структуры, отражающие некоторые ситуации и конфигурации их элементов» [2: 183]; происходит процесс извлечения из долговременной памяти некоторого фрейма, отвечающего содержанию текста.

Выступая средством творческого переосмысления готовых смысловых блоков, замена компонентов ФЕ является эффективным способом характеристики новых явлений, имеющих информативную и коммуникативно-прагматическую значимость. Разного рода замены чаще всего рассчитаны на следующий прагматический эффект: изменение или интенсификация семантики ГФЕ. Она достигается путем употребления в преобразованной ГФЕ более экспрессивных синонимов, стилистически противопоставленных лексем той же тематической группы, что и вытесняемый компонент. Внешний стилистический эффект, достигаемый с помощью замены компонентов, прямо пропорционален степени отличия семантики и стилистической направленности окказиональной ГФЕ от нормативного значения и стилистической окраски исходного прототипа. Следовательно, наименьшим он будет при замене словарным синонимом, наибольшим – при замене контекстуальным антонимом.

Предпринятая в данной статье попытка многоаспектного анализа приема замены компонентов ГФЕ свидетельствует о том, что для получения адекватных знаний о функционировании языковых единиц в дискурсе необходим мультипарадигмальный подход, основанный на достижениях структурной, коммуникативно-прагматической, когнитивной лингвистики, психолингвистики, логического анализа дискурса и позволяющий отобразить корреляцию между языковыми процессами, ментальными сущностями и когнитивными структурами представления знаний.

Список литературы

1. Лопухина, Р.В. Логико-синтаксические парадигмы русского языкового мышления: лингвокультурологический аспект: дис. ... д.филол.н. / Р.В. Лопухина. – Тула, 2005. – 402с.
2. Алефиренко, Н.Ф. Современные проблемы науки о языке / Н.Ф. Алефиренко. – М.: Флинта: Наука, 2005. – 412 с.
3. Григораш, А.М. Структурный и семантико-стилистический анализ глагольной фразеологии русского языка (в сопоставлении с украинским): дис. ... канд. филол. наук / А.М. Григораш. – Киев, 1984. – 388 с.
4. Сафиуллина, Ф.С. Татарско-русский фразеологический словарь / Ф.С. Сафиуллина. – Казань: Изд-во «Магариф», 2001. – 333 с.
5. Зернова, Л.Г. Контекстная реализация фразеологических единиц испанского языка (на материале произведений Бенито Переса Гальдоса): дис. .... канд. филол. наук / Л.Г. Зернова. – Киев, 1984. – 211 с.

**LOGIC AND CONCEPTUAL APPROACH TO THE REPLACEMENT OF
COMPONENTS OF TATAR VERBAL PHRASEOLOGICAL UNIT (ON A
MATERIAL OF A NEWSPAPER DISCOURSE OF THE TATAR
LANGUAGE)**

Abdullina Lilia Rafailovna

This article is devoted to the question of interaction of language and thinking, in which the special place is allocated to logic forms and laws. On an example of method of replacement of components of Tatar verbal phraseological units the mechanism of realization of multiple-aspect correlation of the language form and elements of consciousness, forming a basis of communicative and pragmatical strategy of an informant in a discourse comes to light.

Key words: replacement of components, logic, mentality, concept, discourse.